

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АГРЕССИВНОЙ ЛЖИ В КОНФЛИКТОГЕННОМ ДИСКУРСЕ

© З. З. Чанышева*, Р. Р. Хазиева

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тел./факс: +7 (347) 273 67 78.

Email: chanyshvazz@yandex.ru

В статье рассмотрены языковые средства и приемы оформления ложной информации, которая в информационной войне является основным оружием и концептуальной основой формирования внешней политики. В современном конфронтационном контексте международных отношений искажение информации получает форму агрессивной лжи, которая образует каркас конфликтогенного дискурса. Способы дискурсивной подачи ложной информации обсуждаются в статье с позиций категории эвиденциальности в одной из ее ипостасей, связанной с производством ложной информации.

Ключевые слова: конфликтогенный дискурс, модальность, эпистемическая категория, эвиденциальность, авторство, ложная информация, агрессивная ложь.

Развернувшаяся в последнее время на страницах англоязычной прессы информационная война, отражающая противостояние сторон на идеологической почве и по причине политических разногласий, имела ряд последствий для лингвистики: во-первых, как никогда прежде на практике реально доказана идеологическая сила слова, которое нередко оказывается много эффективнее любого грозного оружия; во-вторых, внешние обстоятельства массовой коммуникации порождают новые виды политического дискурса в медийной сфере, отражающие преобладание конфронтационных отношений; в-третьих, оттачиваются стратегические и тактические ресурсы, призванные более агрессивно навязывать ложные идеологические императивы, облекая милитаристские установки в удобоваримые упаковки.

По нашим наблюдениям, в последние годы в англоязычных медийных изданиях возник и стремительно развивается конфликтогенный дискурс, преследующий цель обострить ситуации конфликта, назревающего по разным объективным и субъективным причинам (политическим, межэтническим, религиозно-конфессиональным, идеологическим, культурно-языковым различиям, территориальным притязаниям и т.д.), и использующий любые действительные или придуманные поводы для углубления конфликта и провоцирования сторон на продолжение противостояния. Главным медийным инструментом все чаще выступает агрессивная ложь как основное средство словесной агрессии, которая облекается в разные языковые формы и маскирует истинные цели средствами вербального демагогического и невербального камуфляжа. Теоретическое осмысление данного феномена видится через оценку средств выражения агрессивной лжи в терминах эпистемической категории эвиденциальности. Система языковых средств, выражающих указанную категорию в этнических языках, включает эвиденциальные маркеры, идентифицирующие разные типы сообщаемых сведений по характеру их авторства. В данной статье подытожены наблюдения над реализацией средств английского языка, используемых для оформления сообщений типа *fake*, основанных на откровенно ложной информации.

Введенный в научный оборот Ф. Боасом термин *эвиденциальность* был проиллюстрирован на примере *In case the speaker had not seen the sick person himself, he would have to express whether he knows by hearsay or by evidence that the person is sick, or whether he has dreamed it* [1], смысл которого сводится к необходимости увязывать любую информацию с ее источником. Термин получил глубокое теоретическое

осмысление и практическое применение после его популяризации как обязательной грамматической категории в труде Р. О. Якобсона, напрямую связавшего данную категорию с указанием на источник информации [2]. Не ставя перед собой цели раскрыть гносеологическую суть данной категории (также известной как верификационная или валидационная), считаем возможным ограничиться рассмотрением ее толкований, достаточных для решения практических задач. В концепции Н. Н. Болдырева эвиденциальность отнесена к модусным категориям, которые, в отличие от лексических, лексико-грамматических и грамматических категорий как форм языкового сознания, служат цели выражения различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на этой основе отдельных смыслов [3]. Таким образом, назначение модусных категорий как форм отражения онтологии человеческого сознания связано с отражающей функцией сознания и выражением индивидуального опыта, знаний и оценок человека. В этом смысле предложено толковать модальность как имеющую эпистемический статус, поскольку она указывает, на чем основано содержание высказываний (чувственном или рациональном познании объективной действительности, знаниях, полученных в процессе повседневной межличностной и массовой коммуникации) [4].

Как следует из вышеизложенного, широкое толкование эпистемической эвиденциальности как модусной категории указывает на оценку говорящим необходимого и достаточного обоснования для заявляемого утверждения [5]. Для решения лингвистических задач принято придерживаться более узкого понимания субъективной модальности, увязывая ее с набором грамматических или лексических значений, выражающих эксплицитное указание на *источник сведений говорящего* относительно сообщаемой им ситуации [4].

Несколько иной подход к эвиденциальности можно вывести из концепции Ш. Балли, предложившего разграничивать в составе предложения диктум и модус. Эта идея ученого оказалась перспективной в ее приложении к модальности в целом и к модальности эвиденциальности в частности. Плодотворное продолжение она получила в концепции Г. А. Золотовой, которая исходит из разной роли этих компонентов в композиционном значении предложения и закрепляет за ними разную информационно-смысловую нагрузку. По мнению исследователя, диктум представляет саму информацию, а модусная часть является «вторичным компонентом», который облада-

ет признаками комментативности или эвиденциальности, оценочности и других модусных значений [6].

С позиций данного подхода формируется концепция эвиденциальности как коммуникативной категории, находящейся над морфологическими и синтаксическими категориями в общей иерархии категорий и служащей исключительно коммуникативным задачам [7]. Очевидно, что этот параметр выходит на первый план в сфере массовой коммуникации, где степень доверия читателя к сообщаемой информации, определяемая в значительной мере ее происхождением, является главным условием для успешного осуществления автором речевого воздействия. Авторство передаваемых сведений может варьировать в достаточно широком диапазоне, приближаясь в крайнем своем выражении к анонимности сообщения, что играет на руку авторам, создающим конфликтогенный дискурс, использующим данный фактор в качестве инструмента манипулирования массовым сознанием.

В последнее время медийная англоязычная коммуникация, рассчитанная на массового читателя, приобретает все более конфликтогенный характер, который проявляется в ряде ярко выраженных конфронтационных черт. По нашим наблюдениям, есть основания говорить о появлении нового вида политического дискурса в массовой коммуникации, так называемого конфликтогенного, которому присущи характеристики содержательно-смыслового, культурно-языкового и дискурсивного характера.

Содержательно-смысловое наполнение данного вида дискурса характеризуется наличием ряда черт, которые, как правило, комбинируются, усиливая общее речевое воздействие текста. В конфликтогенном медийном дискурсе целенаправленно внедряются в массовое сознание идеологические императивы и насаждаются откровенно агрессивные взгляды и установки: а) культ и сила власти (по принципу «Кто сильнее, тот прав»); б) насаждение идей расизма, фашизма и шовинизма в разных формах; в) откровенная борьба с несогласными (по принципу «Кто не с нами, тот против нас»); г) одержимость идеей внутреннего и внешнего врага; д) создание образа непримиримого агрессора, которого надо уничтожить; е) идея воинственности, война перманентная, до победного конца; ж) неприятие современности и отстаивание традиций нетерпимости к иным ценностям; з) резкое возрастание идеологической конфронтации.

Культурно-языковое оформление конфликтогенного дискурса определяется его базовыми характеристиками. По нашим наблюдениям, для данного вида дискурса приоритетными являются следующие признаки: а) агрессивная лексика; б) резко отрицательные образы и карикатурные портреты оппонентов; в) откровенные формы невербалики (фашистские знаки и символика, факельные шествия и т.д.); г) опора на явные и неявные формы лжи; д) создание агрессивного новояза; е) навешивание ярлыков и оскорбительных прозвищ; е) языковые средства демагогии и камуфляжа.

Дискурсивные характеристики конфликтогенного дискурса пополняют репертуар агрессивных технологий, которые были накоплены в медиатекстах в годы «холодной войны». На современном этапе противостояния сторон резко возрастает идеологическая конфронтация, вытесняя другие виды противостояния; оттачиваются технологии создания образа «врага» и навешивания идеологемы «агрессора»; информационная война набирает обороты, используя, наряду с традиционными тактиками вербального конфликта, разные формы агрессивной лжи. На смену более умерен-

ным формам пропаганды приходят явная ложь и обман, используемые на фоне неоднозначных высказываний, неполных фактов и распространяемых сомнений по поводу передаваемых сведений. Из известных видов пропаганды в зависимости от источника наибольшая смысловая нагрузка приходится на так называемую «черную», когда недостоверное сообщение поступает от неидентифицируемого источника. Важной чертой современной войны слов является использование так называемого коммуникативного резонанса [9], когда многократно возрастает охват населения актуальной в данный момент информацией, облекаемой в форму откровенной и агрессивной лжи. Ложная информация направлена на коллективное бессознательное, в сферу эмоций, действуя методом внушения с целью подавления аналитического восприятия сообщаемого.

Авторство любого сообщения может быть квалифицировано с разных позиций, показывающих источник его появления у человека: (а) свидетель ÷ не-свидетель, (б) из первых рук ÷ из вторых рук ÷ из третьих рук, (в) прямое ÷ косвенное свидетельство (выводное умозаключение); (г) свидетельство, основанное на мнении другого лица, которое имеет два источника: (i) показания с чужих слов, (ii) свидетельства, основанные на цитациях; (д) сенсорное ÷ несенсорное свидетельство; е) установленная ÷ предполагаемая достоверность [7, 5, 4]. Поскольку указанные дихотомии относятся к способам получения знаний, они имеют эпистемический характер [8], определяя знания как первичные или вторичные, при этом последние основаны на свидетельствах, полученных от других людей и, следовательно, не возлагающих ответственности за достоверность при их использовании и передаче. Наш взгляд, почти каждая из упомянутых дихотомий может быть при желании искусно использована для фабрикации любой информации, если ее подать должным образом. В связи с производством ложной информации, целенаправленно и намеренно фальсифицирующей реальные события, возникла необходимость придумать ей название. Так получило популярность сочетание *fake information*, которое породило аналог в русском языке в результате заимствования перевода. Сопоставление словарных дефиниций слова *fake* по данным английских словарей показывает больше совпадений, нежели различий. Семантика данного слова, проникшего в язык из воровского жаргона в итальянском языке, вероятно, в силу актуальности обозначаемого им явления, включает следующие компоненты: *fake – a thing that is not genuine; a forgery or sham; news that has been made to look true or genuine, in order to deceive people* [9], *speak insincerely or without regard for facts or truths* [10]. В словарных дефинициях отражаются следующие признаки таких сообщений: 1) фальшивый, поддельный, 2) неискренний, связанный с обманом, хитростью или мошенничеством, 3) основанный на подлоге, создаваемый как газетная «утка».

Исследования медийного дискурса по материалам англоязычных СМИ свидетельствуют о развитой системе равноуровневых средств, используемых для создания недостоверных сообщений, отличающихся двусмысленностью и амбивалентностью [12]. Специфика современных СМИ заключается в том, что оформление недостоверной информации принимает характерные черты слухов, которые сравнивают с черным рынком, где происходит торговля информацией [12]. Такие сведения призваны удовлетворять интерес «среднего» массового читателя к определенным событиям [13], не только насаждая культуру политического скандала, но

и нагнетая обстановку страха и ксенофобии. Массовая коммуникация сегодня дает обильный материал использования технологий, которые работают «на злобу дня». Вместе с тем нельзя не признать внутрисистемных отличий между этническими языками, ресурсы которых облегчают либо затрудняют упаковку недостоверной информации в форму слухов, сплетен, варьирующихся от кривотолков до откровенной лжи и клеветы.

В английском языке имеется богатый арсенал средств, позволяющих достаточно легко либо обходить указание на источник сведений, поскольку это допускает сама конструкция, либо не конкретизировать его, полагаясь на категорию определенности-неопределенности. Подобными средствами английский язык располагает практически на всех уровнях: лексическом, морфологическом, синтаксическом, дискурсивном. Судя по статистическим данным авторитетного тезауруса английского языка, на лексическом уровне зарегистрировано более 60 лексических единиц, могущих оформлять анонимную информацию [14]. Список далеко не полный, так как в нем отсутствуют, например, такие слова как *slander* (when people spread rumors or lies about a person in order to *purposefully* cause pain or damage. Slander is one of the most dangerous types of rumors, because the whole point is to hurt somebody. When slander is in written form, it's called libel) [13], *dishing*, *misinformation*, *cyber-gossip*, *demonize*, используемые для медийного обсуждения сплетен с целью распространения клеветнических слухов и очернения оппонента. Кроме того, в приведенном списке отсутствуют такие частотные единицы как (*alleged(ly)*, *supposedly*, *purportedly*, (perhaps, but not actually (used in reference to something claimed or asserted, possibly falsely). Кстати, русский язык также располагает развитой системой средств выражения субъективной модальности эвиденциальности (*якобы*, *по видимости*, *предположительно*, *по общему мнению*, *возможно*), но при этом нельзя обойти вниманием факт национально-культурной специфики семантики подобных модальных слов, оценивающих достоверность информации, ср. *allegedly* (said, without proof, to have taken place or to have a specified illegal or undesirable quality) [15] и его русское словарное соответствие *будто бы*, *якобы*, *как утверждают* (обычно голословно) [9]. Между тем, практика использования указанных единиц свидетельствует о наличии заметной обвинительной коннотации в английском слове, отсутствующей в русском аналоге [15]. Кроме того, подобные единицы обладают в английском языке широкой семантикой, совмещая нередко противоположные значения, что в итоге делает содержание чрезвычайно размытым. Например, слово *apparent* (readily manifest to senses or mind as real or true and supported by credible evidence of genuine existence, but possibly distinct from or contrary to reality or truth [9] способно реализовывать оба значения недифференцированно. Такая полярность значений, совмещенная в одном контексте, позволяет манипулировать выражаемым содержанием (с одной стороны, *очевидный*, *явный*; *несомненный*; *видимый*, *открытый* и, с другой стороны, *не соответствующий действительности*, *кажущийся*, *мнимый*, *обманчивый*) [15].

В ходе исследования установлены дискурсивные практики оформления fake информации на эмпирическом материале, отобранном из медийных англоязычных источников, содержащих агрессивную ложь.

Прежде чем обсуждать полученные результаты, отметим, что любая ложь носит культурно обус-

ловленный характер, устанавливая условные правила и нормы поведения, вербального и невербального. Как справедливо подчеркивает В. И. Шаховский, опыт лжи различен в разных лингвокультурах [16]. В качестве примера культурно-маркированной лжи он приводит факт превращения внутренних отрицательных переживаний в положительные внешние поведенческие проявления (улыбка японцев в трагической ситуации, вежливая улыбка англичан как знак социального этикета). С позиций лингвокультуры В. И. Шаховский определяет ложь как разновидность несоответствия истине, действительной реальности, т.е. несоответствие между значением (смыслом) высказывания и его денотатом (референтом). Отсюда предлагается достаточно широкое понимание лжи как замены (подмены) референциальных соотношенностей [16]. Вероятно, сказанное о лжи можно отнести и к агрессивной лжи, поэтому верно восприятие коннотаций, передаваемых ложной информацией, определяется в значительной степени как особенностями языка, так и культурой лжи.

Х. Вайнрих справедливо относит изучение лжи к лингвистической проблематике, считая, что «языковые знаки используются людьми во имя добра и в то же время во имя зла» [17]. Правда, едва ли можно согласиться с автором, что средства выражения лжи ограничиваются риторическими фигурами, включающими эвфемизмы, эллипсис, гиперболы, двусмысленности, эмфазу, иронию, слова-табу, антропоморфизмы и т.д. Вместе с тем нельзя не отметить желания автора преодолеть границы вербального канала, пополнив языковые средства невербаликой (подмигивание, покашливание, выразительный голос, особенная интонация), которая выполняет функцию сигналов иронии, выражающей определенный тип лжи.

В настоящем исследовании агрессивную ложь в медийной коммуникации предложено понимать как сообщение, прямо противоположное реальному положению дел, целенаправленно искажающее описываемую действительность, позволяющее автору делать необоснованные обобщения. Семантика агрессивной лжи полнее всего раскрывается в дискурсе, анализ которого позволяет установить языковой механизм производства смыслов текстовой лжи. Рассмотрим на примерах из англоязычных источников функционирование некоторых языковых единиц, участвующих в создании конфликтогенного дискурса лжи.

Большим потенциалом в качестве инструмента фабрикации лжи обладает пассивная конструкция в английском дискурсе, поскольку не требует заполнения позиции агента и достаточно частотна в языке прессы [18]. Это свойство конструкции может быть использовано для производства любого недостоверного сообщения, поскольку не требуется указания на его источник. В производстве таких ложных сообщений активно участвуют видо-временные формы глагола в английском языке, имеющие определенную семантику. В следующем примере из New York Times официальным представителем Госдепартамента США в то время мисс Харф озвучена откровенная ложь, не подкрепленная какими-либо доказательствами, “*Some of the Russian military air defense systems in Ukraine have been moved closer to the front lines*”, Ms. Harf’s statement noted. “*The Russian military and separatists have also kept substantial communications and other “command and control” equipment in eastern Ukraine that would be needed to organize an attack*”. Эта двойная ложь, обреченная в пассивной конструкции, передана в первом случае в форме Present Perfect, подчеркивающей якобы завершившийся к моменту описания факт пере-

броски российских войск на линию фронта, а во втором случае в форме сослагательного наклонения для выражения выводимой из данного посыла информации о наступлении войск, которая подается в статье как вполне достоверная. Помимо предикативных средств выражения лжи в тексте изначально присутствует ложный посыл, на протяжении длительного времени внедряемый в массовое сознание, о присутствии на территории Украины российских сил ПВО и размещении систем командного управления.

По нашим наблюдениям, высок удельный вес дискурсивных средств, функционирующих совместно и усиливающих характер неопределенности источника информации в процессе производства ложной информации. В следующем тексте автор рисует мрачную картину бюджетного кризиса в стране и его последствия для правительства на ближайшие годы, *Russia's biggest budget crisis in years is leaving the government stumped*, используя в качестве орудия лжи метафору для описания состояния правительства, поставленного в тупик из-за неспособности найти достойный выход из ситуации (*stump is a small part of something that remains when the rest of it has been removed or broken off*). Причем в качестве экспертов газета ссылается на неопределенную группу независимых экономистов (*economists surveyed by Bloomberg*), заимствует прецедентное выражение (*kitchen-sink approach*) из британской драмы тяжелых послевоенных лет (*of art forms*) characterized by great realism in the depiction of drab or sordid subjects), приводит графики, в которых количественные данные расходятся с текстовой информацией, используя в ходе описания слово (*the country's first recession since 2009*), обозначающее резкое снижение ВВП в течение двух лет подряд. Вновь использовано обобщающее утверждение, без каких-либо данных, подтверждающих его достоверность (*millions of Russians are sinking into poverty*). Как видно из примера, в ходе фактизации ложной информации широко используются лингвокультурные знаки (образы, прецедентные явления, символы и др.), которые способны актуализировать смыслы на разных глубинах сознания, включая уровень коллективного бессознательного, что позволяет играть на эмоциях адресата, превращая культурноносные единицы в эффективное орудие суггестии [14].

Исследование агрессивной ложной информации в англоязычном дискурсе конфликта показывает, что ложь может быть локализована в разных его блоках. В ходе анализа в тексте статьи выделены два блока: 1) блок описания фактической стороны ситуации, связанной с обстоятельствами, персоналиями, действиями, событиями и т.д., которые образуют канву текста; 2) блок оценки представленных фактов авторским комментарием, который может быть подан либо в явной форме смысловой интерпретации с широким использованием на поверхностном уровне всех доступных средств, либо на глубинном менее очевидном смысловом уровне. Рассмотрим указанные блоки на предмет выявления ложной информации, которая заложена в них автором статьи.

В наиболее явной форме ложь обнаруживает себя в подаче фактической информации, когда автор позволяет себе произвольно обращаться с фактами (через тенденциозный отбор фактов, пропуски нежелательной информации, собственные дополнения, нарушение причинно-следственных связей между фактами и т.д.).

В процессе анализа эмпирического материала было установлено, что в организации дискурсивного оформления агрессивной лжи большая роль отводится

ложным топосам, которые создают смысловой каркас статьи. Концепция топиков (топосов), выдвинутая К. П. Зеленецким в 1851 г., представляет их как «источники изобретения, развивающие мысль» и показывающие, «с какой точки зрения должно смотреть на предмет или на мысль» [19, с. 35]. По нашим наблюдениям, топосы в конфликтном дискурсе выполняют роль опорных компонентов, представляющих основной дискурсивный инструмент создания текстовой лжи. Ложные топосы образуют ядерные единицы смыслопорождения в медийном дискурсе конфликта. Основная нагрузка падает на выбираемый автором главный ложный топос, который может быть локализован либо в начале статьи, развертываясь через цепочку смежных топосов, либо в конце статьи, подводя итог использованным в ходе сообщения топосам, обобщенным в виде завершающего топоса агрессивной лжи. В следующем дискурсе о юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке главным обвинительным топиком является агрессивная ложь о вине российского президента в гибели огромного числа людей и невиданной ранее волне беженцев из Сирии, *A breakthrough between the two leaders at the UN offers the best chance of ending a war that has killed at least 250,000 people and turned Syria into a lawless stomping ground for terrorists*. Обвинение направлено против президента России, который якобы повинен в оказании поддержки главе Сирии Башару Асаду, когда массовому читателю внушается образ политического лидера, развязавшего гражданскую войну в стране, спровоцировавшей «великое переселение народов». Этот базовый ложный топос усилен неоднократно в тексте за счет подключения смежных топиков: *Now in its fifth year, civil war in Syria has blown up into a regional conflict* (ложь о гражданской войне, приобретшей за четыре года масштабы регионального конфликта), *Secretary of State John Kerry has spoken three times about Russia's presence in Syria with his counterpart Sergei Lavrov* (ложь о якобы исходящих от США инициативах по урегулированию конфликта), *the shift comes as Russia is taking a more hands-on approach to Syria* (ложь об усилении российского военного вмешательства в регионе), *President Vladimir Putin sent troops as well as fighter jets, armored personnel carriers and attack helicopters to Syria* (ложь о военном участии вооруженных сил России в данном регионе), *officials have speculated that Putin wants to distract Western attention from Ukraine* (ложь о том, что якобы озабоченность В. В. Путина ситуацией в этом регионе объясняется его желанием переключить внимание Запада с событий на юго-востоке Украины).

В не менее явном виде ложные топосы используются в комментирующем блоке на поверхностном уровне смысловой дискурсивной информации, представляющем интерпретацию автором изложенных фактов, отличающуюся, как правило, субъективным толкованием сути событий и преднамеренным искажением их истинного смысла. В статье «A Loyal Governor Feels Putin's Wrath», посвященной скандальному разоблачению преступной деятельности главы Республики Коми В. Гайзера, читателя знакомят с реальными преступными деяниями некогда образцового губернатора. Автор перечисляет обвинения, предъявленные чиновнику высокого ранга: *accused of leading a criminal organization that allegedly included a number of his region's top officials, the leader of a criminal community, the investigators discovered expensive watches, offshore company documents and other familiar trappings of Russian superwealth. The officials are accused of illegally appropriating*

state-owned lumber, milk, poultry and other companies. Таков неполный перечень преступлений губернатора и его подельников, совпадающих с озвученными представителем Следственного комитета России. Однако далее следует абсолютно ложная интерпретация фактов, бросающая тень на всю административную систему, с подключением топоса беспредельной коррупции в высших эшелонах власти (*perhaps such networks are operating in other regions, which could mean the entire system is hopelessly corrupt – something Putin would hate to admit*), топоса о принципе отбора людей на руководящие должности (*many other local leaders, who were picked by Putin to administer regions*), топоса об излюбленном методе президента страны вводить новые правила игры (*Putin likes using arrests and criminal investigations to lay down new rules*), в подтверждение чего приводится ссылка на участь олигарха М.Ходорковского. Какой же вывод сделан автором в этой ситуации? Статья завершается обобщающим топосом, выражающим агрессивную ложь о сигнале президента всем губернаторам, внушаемую через ложный топос: жить нечестно можно было бы в благополучное время, но не теперь, когда экономика в кризисе из-за падения цен на энергоносители и падающий курс рубля (*In this environment, winning local elections isn't much of an achievement. Bringing in more money – or at least taking much less of it – is now the more desirable result*). Прогноз автора статьи неутешительный, так как последуют новые разоблачения преступлений глав других регионов, если они не примут к сведению предупреждение президента (*there probably will be more crackdowns, and local elites are being told they can't keep stealing as freely as before*).

Наконец, ложные топосы пронизывают оба блока текстуальной информации, как искажая с целью манипулирования сознанием фактические данные, так и предлагая авторский комментарий, основанный на ложной интерпретации имевших место фактов. В статье "Putin's Credo: Never Let Them See You Sweat" автор Стивен Ли Майерс создает противоречивую картину личности В. В. Путина, перемежая правду с ложью: (*The anecdote was meant to highlight the hardscrabble roots of Russia's future president*) (картина тяжелого детства будущего президента), *Russians have ingested a regular diet of televised acts of leadership and machismo* (ложь о постоянной ТВ демонстрации мужественности и лидерских качеств Путина), *In the wild 1990s he once sent his daughters out of the country for their safety* (недоуверенный факт отправки дочерей за рубеж в «дикие» 90-е годы), *the attack in Beslan – which he insinuated, without evidence, had been orchestrated by Russia's enemies abroad* (ложь о том, кто организовал теракт в школе), *the annexation of Crimea in 2014* (навязываемая Западом оценка присоединения Крыма к России как акта аннексии) и огромное множество подобных искажений. Полное извращение сути фактов обнаруживает себя также в выборе номинаций топосов, представляющих смысловое толкование фактических данных и выражающих разные идеологические оценки одного и того же события. Наиболее важные идеологические топосы содержатся в комментариях автора, когда он, суммируя ложные интерпретации фактов из биографии В. Путина и событий в период его президентства, формулирует главный топос о губительной внешней политике лидера страны, воплощая его в ложных топосах отсутствия ясной стратегии (*Mr. Putin's tactics have been strong, but he lacked a strategy*), полной политической и дипломатической изоляции в мире (*he has never been as isolated politically and diplomatically*), намерен-

ного стремления президента отвлечь внимание мировой общественности от виновности в гибели малайзийского авиалайнера в июле 2014 года и событий на юго-востоке Украины российским вмешательством в ситуацию в Сирии (*a move to distract attention from Russia's disastrous intervention in eastern Ukraine and looming questions over its culpability in the downing of Malaysia Airlines Flight 17 in July 2014*).

Таким образом, анализ дискурсивных практик оформления ложной информации в конфликтогенном дискурсе свидетельствует о том, что как факты, так и их интерпретация подвергаются смысловым искажениям, превращаясь в мощное орудие манипулятивного воздействия на массовое сознание.

По нашим наблюдениям, дискурсивные способы внедрения ложной информации используются параллельно с другими формами эвиденциальности, обеспечивающими возможность обойти указание на ее источник, используя различные методы отбора и управления информацией и принимая в расчет типичные для современного массового читателя приемы восприятия и обработки информации. Ложь в англоязычной медийной коммуникации получает в последнее время характер агрессивной, поскольку, отталкиваясь от мелких и, на первый взгляд, незначительных смысловых искажений реальных фактов, автор обобщает их значимость, направляет острие лжи против руководства высшего ранга, допуская непозволительные в политике и дипломатии вольности в смысловом наполнении дискурса. В процессе дискурсивной организации ложной информации в дискурсе конфликта большую роль выполняют топосы, выступающие в роли основных опор смысловых узлов, реализующих семантику лжи как на уровне реальных фактов, так и на уровне их авторской интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Boas F. Handbook of American Indian languages. Washington: US G.P.O., 1922. 1070 p.
2. Jakobson R. The heterogeneity of evidentials in Makkah // Chafe, Wallace L.; Nichols Johanna (Eds.). Evidentiality: The linguistic encoding of epistemology. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 3–28.
3. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы концептуальной лингвистики. 2006. №2. С. 5–22.
4. Шакирова Р. Д. Эпистемический статус высказывания (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Набережные Челны, 2006. 45 с.
5. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. №3. С. 93–104.
6. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. (Серия «Лингвистическое наследие XX века»), М.: Едиториал УРСС, 2010. 368 с.
7. Кобрин О. А. Категория эвиденциальности в современном английском языке: семантика и средства выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 26 с.
8. Loos E. E. Glossary of Linguistic Terms. URL: <http://www-01.sil.org/linguistics/GlossaryOfLinguisticTerms/Index.htm> (дата обращения: 06.07.2015).
9. АБВУУ Lingvo X3: электр. данные с программой / АБВУУ. 2008.
10. Webster's Third New International Dictionary. Unabridged. URL: <https://websterthirdnewinternationaldictionarydkv.wordpress.com/> (дата обращения: 20.08.2015).
11. Moby Thesaurus. URL: <http://englishtips.org/1150798577-moby-thesaurus.html> (дата обращения: 25.09.2015).
12. Иванова С. В., Чанышева З. З. Технологии дискурсивного оформления слухов в политическом дискурсе массмедиа // Политическая лингвистика. 2014. №2 (48). С. 39–50.
13. Фрейд З. Массовая психология и анализ «Я» // Избранное. Кн.1 М., 1990. URL: <http://www.twirpx.com> (дата обращения: 24.08.2015).
14. Чанышева З. З. Суггестивный эффект знаков лингвокультуры в медиакommunikации // Вестник Ленинградского

- государственного университета им. А. С. Пушкина. №3. Т. 1. Филология. 2012. С. 140–147.
15. Палажченко П. Р. Мой несистематический словарь. Т. 1. Русско-английский. Англо-русский. М.: Р.Валент, 2012. 304 с.
16. Шаховский В. И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград: Перемена, 2005. С. 173–204.
17. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 44–87.
18. Longman Grammar of Spoken and Written English. Longman: Pearson Education limited, 2000. XXVIII. 1204 p.
19. Зеленецкий К. П. Топики // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Под. общ. ред. проф. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 34–40.
20. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. 656 с.
21. Putin Bolsters His Forces Near Ukraine, U.S. Says: URL: <http://www.nytimes.com/2015/04/23/world/europe/us-says-putin-adding-russian-forces-near-ukraine-crimea.html?partner=> (дата обращения: 26.05.2015).
22. One look dictionary. URL: <http://onelook.com/?w=fake&ls=a> (дата обращения: 05.08.2015).
23. Russia Seen Testing Wide Policy Mix to Fix Budget Hit by Oil. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-09-24/russia-seen-testing-broad-policy-mix-to-fix-budget-hurt-by-oil> (дата обращения: 24.09.2015).
24. Assad is a Winner as Russia is Seen Offering New Proposal at UN. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-09-25/assad-is-a-winner-as-russia-is-seen-offering-new-proposal-at-un> (дата обращения: 25.09.2015).
25. A Loyal Governor Feels Putin's Wrath. URL: <http://www.bloombergview.com/articles/2015-09-21/a-loyal-governor-feels-putin-s-wrath> (дата обращения: 21.09.2015).
26. A New World Where Words and Influence Can Be More Powerful Than Weapons. URL: <http://www.independent.co.uk/news/media/tv-radio/the-media-column-a-new-world-where-words-and-influence-can-be-more-powerful-than-weapons-10478907.html> (дата обращения: 20.08.2015).
27. Putin's Credo: Never Let Them See You Sweat. URL: http://www.nytimes.com/2015/09/27/sunday-review/putins-credo-never-let-them-see-you-sweat.html?_r=1 (дата обращения: 27.09.2015).

Поступила в редакцию 01.08.2015 г.

DISCURSIVE PRACTICES OF RESORTING TO AGGRESSIVE LIE IN CONFLICT-GENERATING DISCOURSE

© Z. Z. Chanysheva*, R. R. Khazieva

Bashkir State University

32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Phone: +7 (347) 273 67 78.

**Email: chanyshevazz@yandex.ru*

The linguistic means and tools used to give proper shape to fake information that is the main weapon and conceptual basis for building foreign policies in information war are discussed in the article. In the current confrontation context of international relations distortions of information assume the form of aggressive lie which acts as a frame of a conflict-generating discourse. The authors considers the discursive mode of fake information from the viewpoint of the epistemic category of evidentiality realizing its modal aspect of producing false content. The authors introduce the notion of conflict-generating discourse as a new type of political discourse, give its definition and outline its basic features on three levels including content-conceptual, cultural-linguistic and discursive characteristics. False information is regarded to be a powerful means of verbal aggression in current English and American mass media resources, which aims at direct clash and collision with ideological and political opponents. Aggressive lie is viewed by the authors as an object of linguistic investigation, which should be studied in the context of the culture of lie. Fabrication of aggressive lie is shown in the article to relate to language methods and discursive practices used to refer to unverified and rumoured information in mass communication.

Keywords: *conflict-generating discourse, modality, epistemic category, evidentiality, authorship, fake information, aggressive lie.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Boas F. Handbook of American Indian languages. Washington: US G.P.O, 1922.
2. Jakobson R. Chafe, Wallace L.; Nichols Johanna (Eds.). Evidentiality: The linguistic encoding of epistemology. Norwood, NJ: Ablex, 1986. Pp. 3–28.
3. Boldyrev N. N. Voprosy kontseptual'noi lingvistiki. 2006. No. 2. Pp. 5–22.
4. Shakirova R. D. Epistemicheskii status vyskazyvaniya (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Naberezhnye Chelny, 2006.
5. Kozintseva N. A. Voprosy yazykoznaniiya. 1994. No. 3. Pp. 93–104.
6. Zolotova G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative aspects of Russian syntax]. (Seriya «Lingvisticheskoe nasledie XX veka»), Moscow: Editorial URSS, 2010.
7. Kobrina O. A. Kategoriya evidentsial'nosti v sovremennom angliiskom yazyke: semantika i sredstva vyrazheniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg, 2003.
8. Loos E. E. Glossary of Linguistic Terms. URL: <http://www-01.sil.org/linguistics/GlossaryOfLinguisticTerms/Index.htm>
9. ABBYY Lingvo X3: elektr. dannye s programmoi / ABBYY. 2008.
10. Webster's Third New International Dictionary. Unabridged. URL: [https://websterthirdnewinternationaldictionarydkv.wordpress.com/\(data obrashcheniya: 20.08.2015\)](https://websterthirdnewinternationaldictionarydkv.wordpress.com/(data obrashcheniya: 20.08.2015)).
11. Moby Thesaurus. URL: <http://englishtips.org/1150798577-moby-thesaurus.html> (data obrashcheniya: 25.09.2015).
12. Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. Politicheskaya lingvistika. 2014. No. 2 (48). Pp. 39–50.
13. Freid Z. Massovaya psikhologiya i analiz «Ya». Izbrannoe. Kn.1 Moscow, 1990. URL: <http://www.twirpx.com>
14. Chanysheva Z. Z. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. No. 3. Vol. 1. Filologiya. 2012. Pp. 140–147.
15. Palazhchenko P. R. Moi nesistemacheskii slovar'. Vol. 1. Russko-angliiskii. Anglo-russkii [My unsystematic dictionary. Vol. 1. Russian-English. English-Russian]. Moscow: R. Valent, 2012.
16. Shakhovskii V. I. Chelovek v kommunika-tsii: aspekty issledovaniya. Volgograd: Peremena, 2005. Pp. 173–204.
17. Vainrikh Kh. Lingvistika lzhi. Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya. Moscow: Progress, 1987. Pp. 44–87.
18. Longman Grammar of Spoken and Written English. Longman: Pearson Education limited, 2000. XXVIII.
19. Zelenetskii K. P. Topiki. Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya. Pod. obshch. red. prof. V. P. Neroznaka. Moscow: Academia, 1997. Pp. 34–40.
20. Pocheptsov G. G. Teoriya kommunikatsii [Communication theory]. Moscow: «Refl-buk», K.: «Vakler», 2001.
21. Putin Bolsters His Forces Near Ukraine, U.S. Says: URL: [http://www.nytimes.com/2015/04/23/world/europe/us-says-putin-adding-russian-forces-near-ukraine-crimea.html?partner=\(data obrashcheniya: 26.05.2015\)](http://www.nytimes.com/2015/04/23/world/europe/us-says-putin-adding-russian-forces-near-ukraine-crimea.html?partner=(data obrashcheniya: 26.05.2015)).
22. One look dictionary. URL: <http://onelook.com/?w=fake&ls=a> (data obrashcheniya: 05.08.2015).
23. Russia Seen Testing Wide Policy Mix to Fix Budget Hit by Oil. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-09-24/russia-seen-testing-broad-policy-mix-to-fix-budget-hurt-by-oil> (data obrashche-niya: 24.09.2015).
24. Assad is a Winner as Russia is Seen Offering New Proposal at UN. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-09-25/assad-is-a-winner-as-russia-is-seen-offering-new-proposal-at-un> (data obrashcheniya: 25.09.2015).
25. A Loyal Governor Feels Putin's Wrath. URL: <http://www.bloomberglive.com/articles/2015-09-21/a-loyal-governor-feels-putin-s-wrath> (data obrashcheniya: 21.09.2015).
26. A New World Where Words and Influence Can Be More Powerful Than Weapons. URL: <http://www.independent.co.uk/news/media/tv-radio/the-media-column-a-new-world-where-words-and-influence-can-be-more-powerful-than-weapons-10478907.html> (data obrashcheniya: 20.08.2015).
27. Putin's Credo: Never Let Them See You Sweat. URL: http://www.nytimes.com/2015/09/27/sunday-review/putins-credo-never-let-them-see-you-sweat.html?_r=1 (data obrashche-niya: 27.09.2015).

Received 01.08.2015.